

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И СУДЬБЫ НАРОДА В ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ
СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ
«ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»**

Е. В. Сузько,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета,

им. И. П. Шамякина,

г. Мозырь, Республика Беларусь

E-mail: suzko-1974@tut.by

В статье выявлено своеобразие художественного решения проблемы коллективизации и судьбы народа в переломные моменты советской истории в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Показано авторское уважительное отношение к традициям и культуре татарского народа. Определены функции художественной детали, наглядно-пластических образов, кинематографических приемов в создании масштабной картины народной трагедии.

Ключевые слова: Гузель Яхина, коллективизация, раскулачивание, хронотоп, художественная деталь, панорамность, образ-тип.

**ARTISTIC UNDERSTANDING OF THE PROBLEM
OF COLLECTIVIZATION AND THE FATE OF THE PEOPLE
AT A TURNING POINT IN SOVIET HISTORY IN G. YAKHINA'S NOVEL
«ZULEIKHA OPENS HER EYES»**

E. V. Suzko,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,

Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: suzko-1974@tut.by

The article reveals the originality of the artistic solution to the problem of collectivization and the fate of the people at the turning points of Soviet history in Guzel Yakhina's novel «Zuleikha opens her eyes». The author's respectful attitude to the traditions and culture of the Tatar people is shown. The functions of artistic detail, visual-plastic images, cinematographic techniques in creating a large-scale picture of a national tragedy are determined.

Keywords: Guzel Yakhina, collectivization, dispossession, chronotope, artistic detail, panoramacity, image-type.

Введение

В романе «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной показана судьба татарского народа, ставшего, как и множество других, жертвой антигуманной советской политики 20–30-х гг. XX века.

По признанию автора, в основе романа – трагическая судьба ее родных, в частности, бабушки, которой на момент раскулачивания и выселения в Сибирь ее семьи было только 7 лет. В интервью Александре Гузевой Г. Яхина отметила, что ее произведение – не семейная история, а «история жизни одной женщины из 3 миллионов раскулаченных и 6 миллионов, прошедших спецпоселение» [2], что роман «Зулейха открывает глаза» не в полной мере биографичен, так как из жизни бабушки взяты временной отрезок с 1930-го по 1946-й и маршрут «татарская деревня – Казань – Красноярск – река Ангара – глухое место в тайге». Условно биографическими, по словам автора, можно назвать и 2 эпизода: когда тонула баржа со спецпереселенцами, закрытыми намертво в трюме, и как бабушку (в романе Юзуфа. – Е. С.) учил математике ссыльный профессор по собственноручно написанному учебнику. Все остальное, по Г. Яхиной, – плод художественного вымысла, обобщенное осмысление трагической судьбы крестьянства, интеллигенции в условиях антигуманного тоталитарного режима.

Цель и задачи

Выявление специфики художественного решения проблемы коллективизации и судьбы народа в переломный момент советской истории в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» является **целью** исследования. Писательнице важно было показать, как в нечеловеческих условиях гугаговского поселения, рабского, унижительного труда и отсутствия самых элементарных, нужных человеку ежедневно вещей можно остаться человеком, не озлобиться, сохранить в своем сердце веру, любовь, надежду и нежность. Поэтому мир небольшой татарской деревни, одной мусульманской семьи, дорога в «караване» раскулаченных, подвалы ОГПУ, путь по железной дороге длиною в лето, жизнь в Сибири показаны глазами женщины, восприятие которой богато на эмоции, на сильное психологическое переживание несправедливости жизни, ее драматизма.

Результаты и их обсуждение

В романе отражается судьба «маленького человека» в контексте истории огромной страны. Так, хронотоп произведения постепенно расширяется: от маленького, ограниченного мирка восточной женщины, живущей на женской половине, спящей на сундуке, подчиняющейся мужу и властной свекрови, до большого, необъятного мира сибирской тайги, Ангары, где человек – песчинка в большом несчастном мире людей, волей судьбы оторванных от дома и брошенных в необжитые, неизведанные пространства.

Л. Улицкая подчеркнула: «Рассказ о судьбе главной героини, татарской крестьянки времен раскулачивания, дышит такой подлинностью, достоверностью и обаянием, которые не так уж часто встречаются в последние десятилетия в огромном потоке современной прозы» [3, с. 5].

В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» выявлена трагедия всего трудового крестьянства эпохи великого перелома. По историческим источникам, руководство бывшей ТАССР, учитывая краткий срок, отведенный на коллективизацию – с осени 1930 по весну 1931 г., решает провести ее еще в более сжатые сроки, «и уже в марте 1930 г. Татарская республика по темпам коллективизации вышла на третье место в стране» [1, с. 59].

Только в начале произведения чувствуется, что татарское село Юлбаш живет своей особой, оторванной от всего мира жизнью, куда не доходят отзвуки мировых трагедий и социального переустройства. Мир татарской деревни –

это сильный хозяин-мужчина, женщина у него в подчинении, все права которой заключаются в создании домашнего уюта, обеспечении чистоты, уходе за домашней скотиной, рождении наследников. Видимо, поэтому многие исследователи увидели в романе Г. Яхиной поклев на татарскую действительность. Она умело использует прием художественной детали. Так, беда приходит в дом Муртазы с тревожного ночного стука в окно, предупреждающего об очередной продрозверстке.

Писательница проникновенно показывает любовь крестьянина к своему хозяйству, позволяющему чувствовать себя сильным, независимым, крепко стоящим на ногах. Так, муж Зулейхи, сильный и уважаемый в селе хозяин Муртаза, узнав об очередном визите красноармейцев, твердит постоянно только одно: *«Не отдам!.. В этот раз ничего не отдам»* [4, с. 45]. Он вынужден убить корову-кормилицу, кобылу и ее жеребенка, только бы они не достались врагам, не стали общей собственностью: *«Муртаза и Кюбелек стоят посередине двора – лоб ко лбу. Он нежно гладит курчавую коровью морду, доверчиво прикинувшую к его лицу. Затем достает из-за спины топор и обухом шибает Кюбелек меж больших влажных глаз с длинными ресницами...»* [4, с. 62]; *«У двери в хлев встает на дыбы Сандугач, истошно ржет, бьет в воздухе тяжелыми копытами, выкатывая белки ошалелых глаз. Жеребенок мечется под ногами у матери»* [4, с. 63]. И только напоминание Зулейхи о главном (*«Пахать? Пахать на ком будешь? Весна скоро! Умрем с голода»*) возвращает Муртазу к реальности. Так, в драме отдельно взятой семьи воплотилась драма всего трудового крестьянства, что сближает художественный мир Г. Яхиной с творчеством М. Шолохова, В. Белова и др.

Страшная беда, ворвавшаяся в дом, ассоциируется у необразованной, но тонко чувствующей жизни Зулейхи с другой исторической трагедией, с ордынским игмом, о котором женщина знала от отца. Красноармейцев, проводящих продрозверстку и коллективизацию, она называет по-женски метко и символично – *красноордынцы*.

К живому, повествовательному течению художественного дискурса Г. Яхина подключает официально-деловой стиль, стиль приказов, распоряжений, показывая, что человек в руках административной системы либо винтик, либо жертва. Так, речь красноармейца Игнатова полна канцеляризмами и бюрократизмами, но именно за языком документов советской эпохи чувствуется масштаб трагедии крестьянства: *«В конце тысяча девятьсот двадцать восьмого тоненький ручеек раскулаченных потянулся с широких просторов тогда еще Казанской губернии в столицу. Переселенцев надлежало собрать, погрузить в вагоны и отправить в места следования согласно предписанию...»*

Постепенно ручеек полнел, крепчал, рос. И зимой тридцатого года превратился в могучую реку, которая затопила не только саму тюрьму, а и все привокзальные подвалы, административные постройки и нежилые помещения...» [4, с. 143].

Для патриархального узкого мира татарской деревни процесс коллективизации, перехода на новые формы социалистического хозяйствования был большой трагедией, катастрофой. Тяжело было крестьянам смириться с тем, что ломались вековые устои, рушились национальные традиции, были осмеяны национальные святыни. Так, уют и чистота, с любовью созданные Зулейхой, были нарушены

фактически за несколько минут: реквизированы домашний скот и птица, чернявый активист выдергивает из-под головы убитого Игнатовым Муртазы «*стопку подушек в расшитых наволочках, сдирает с окон занавески, со стен – полотенца, на вытянутых руках выносит из избы огромный ворох белья, подушек, одеял*» [4, с. 82]; «*Неугомонный чернявый осматривает напоследок голую, словно нежилую избу в поисках незамеченной добычи. Наконец поддевает лезвием штыка висящую высоко над входом ляхэ – пытается снять. Витиеватое кружево арабских букв тянется и морщится под стальным острием. – Это у них вместо икон, – словно в сторону, тихо бросает военный со шрамом*» [4, с. 82]; «*Нагие стены, неприкрытые окна, на грязном полу – пара затоптанных тастымал... Громкий треск материи – Мансурка срывает чаршаву, отделявшую мужскую половину избы от женской, и довольно потряхивает ладони. Разбитые горшки, выпрошенные сундуки, остатки кухонной утвари бесстыже открываются взору любого входящего. Срам какой*» [4, с. 84].

Антигендерная политика советской власти, культ свободной любви, глумление над национальными татарскими святынями отражено писательницей и в сцене ночевки в мечети, по традиции разделенной на мужскую и женскую половины. Так, Зулейха считает большим грехом и срамом уже то, что мужчины видят ее с непокрытой головой, без платка. А тут, в месте, предназначенном для молитв, был устроен скотный двор, в мечети держали баранов, хотя храм еще сохранил запах старых ковров и запыленных книг. Религиозные запреты отступают перед страшной общенародной бедой, где уже неважно, кто ты по национальности, по полу, по социальному статусу. Неслучайно после ночлега в мечети, не выдержав осквернения святынь, умирает представитель исламской церкви – деревенский мулла: «*На полу, устремив седую голову к михрабу и вытянув длинные ноги из-под кудрявой шубы, лежит мулла-хазрет... Открытые глаза мoulлы застыли и смотрят вверх, скулы обтянуло кожей, бегущие от носа к подбородку морщины сложили губы в бледную сухую улыбку*» [4, с. 106].

Председатель местного колхоза Денисов стремится сохранить книги, потому что «*больно хороши они для растопки*», а на куполе самой мечети им был водружен красный флаг: «*Когда деревня остается далеко позади, Зулейха оборачивается. Над тонкой свечкой мечети уже вьется горячим огоньком красный флаг*» [4, с. 107].

Г. Яхина показывает объективное отношение советской власти к раскулаченным, которых за людей уже не считают и воспринимают как рабочую силу, необходимую для освоения сибирских земель. Неслучайно писательница посвящает несколько глав («До востребования», «Побег», «Баржа») описанию трудного и драматического, длиною в три месяца, пути спецпереселенцев к месту назначения, рассказывает о том, как скрывали подобные поезда от людских глаз, загоняли в тупик и стояли они там до особого распоряжения.

Вся трагедия раскулаченных и лишенных всего крестьян раскрывается в эпизоде, когда баржа с переселенцами тонет на Ангаре. Г. Яхина показывает, что к людям относятся как к скоту, набивают ими трюмы барж плотнее, чтобы сэкономить государственные средства. Писательница признавалась, что эпизод с баржей возник благодаря рассказам бабушки: «*При погрузке выяснилось, что баржа не вмещает всех переселенцев. Три сотни голов набили в трюм плотно, не продохнуть – в нарушение всех инструкций и правил, много превысив допустимую*

норму (баржа осела низко, тяжело)...» [4, с. 208]; «Палуба кренится, кренится. Горизонт вдруг заваливается, утыкается одним концом в небо. Баржа оседает кормой, задирая кверху тупорылую морду» [4, с. 220]; «Десятки рук тянутся, тянутся к нему сквозь решетку, шевеля пальцами. Колышутся, как огромный сноп. Уходят глубже, глубже. Исчезают в темной зелени» [4, с. 222].

Спецпереселенцев высадили на пустынный берег, почти без провианта и орудий труда, бросили на произвол судьбы. И только благодаря своему умению трудиться, несмотря на голод, холод, лишения, умению крестьянства находить выход из самой сложной и экстремальной ситуации им удалось выжить и создать в сибирской тайге свой маленький рай. Видимо, поэтому многие исследователи говорили о приметах робинзонады в романе «Зулейха открывает глаза». Вот тут и проявляется одна из сторон жанрового синкретизма романа «Зулейха открывает глаза». Знающий мировую литературу читатель узнает в подобной сюжетной ситуации элементы робинзонады, одним из определяющих мотивов которой является стремление героев выстоять и выжить, несмотря на одиночество, беспомощность. Постепенно осваивают новые земли и раскулаченные, чьим трудом на пустом месте создается поселок Семрук.

Если до эпизода высадки в Сибири Г. Яхина создавала собирательный образ крестьянства, только время от времени уделяя внимание внутреннему миру главной героини, то с этого момента она создает разнообразные образы-типы крестьян, используя прием косвенных характеристик, данных комендантом Игнатовым.

Так, в Зулейхе он отмечает молчаливость и тяговитость, умение тихо и спокойно выполнять любую работу: помогать повару в столовой, заниматься охотой, отпугнуть волков, убить медведя, защищая сына, и, при этом, какую-то особенную хрупкость и деликатность.

Умением одорукого Авдея работать, приобщить к ней всех он любит: *«Авдей Богарь, одорукий. Инвалид, а работает споро – ловко укладывает ветки на крышу шалаша, что-то подсказывает остальным, указывает пальцем. К нему прислушиваются, кивают. Видно, дельный мужик. Глаза у него смекалистые, цепкие...» [4, с. 242].* Эти же качества: крестьянская практичность, умение работать, трудолюбие, несмотря на понимание подневольности своего труда, отсутствия свободы, невозможности распорядиться собой и своими талантами, – проявляются и при строительстве землянки. Так Г. Яхина прославляет крестьянский труд, утверждая, что благодаря такому крестьянству можно построить рай и в Сибири, поднять и укрепить страну.

Интересным типом крестьянина-мученика, сломленного злой судьбой, но при этом смекалистого, хозяйственного, предприимчивого, является Лукка Чиндыков, обеспечивший рыбой, благодаря своему таланту, поселок, не давший умереть с голоду людям в самое трудное и напряженное время: *«Следующим днем Лукка соорудил удочки, наловил слепней. Походил по берегу, поговорил с Ангарой. Вечером принес в лагерь ведро, в котором меж бархата зеленых лопуховых листьев дрожали серебром увесистые тельца плотвы» [4, с. 289].*

Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», таким образом, – это ода человеку труда, лишенному властью всего, выброшенному на край света, но устоявшему и уцелевшему, построившему новые поселки и города благодаря своему трудолюбию, терпению, настойчивости и оптимизму.

Но, несмотря на искусственно созданный крестьянским трудом рай, и в нем царят порядки полного контроля и борьбы с частной собственностью. Закономерно, что Г. Яхина постоянно апеллирует к документам того времени, переходит к их стилю, чтобы еще больше подчеркнуть трагедию мирного крестьянства, попавшего в тиски тоталитаризма. Ведь за каждым словом, за каждой цифрой – человеческая судьба. Вот Зиновий Кузнец обвиняет Игнатова, сумевшего наладить в тайге успешное хозяйство, в так называемом «кулацком росте»: так стали называть «быстрое обогащение сосланных крестьян. Отправленные за тысячи километров от родного дома, они, за шесть-восемь лет оправившись от удара и немного освоившись на чужбине, исхитрялись и тут заработать лишнюю копейку, отложить, а после прикупить на нее личный хозяйственный инвентарь и даже скот... Поэтому в государственных верхах было принято мудрое решение: рост – немедленно прекратить; виновных – наказать; кулаков, даже в ссылке так коварно проявивших свою неистребимую индивидуалистическую сущность, организовать в колхозы...» [4, с. 367].

Заключение

Таким образом, полифонизм стиля Г. Яхиной, панорамность отражения действительности в ее романе подчинены задаче художественного отражения масштабности и глобальности народной трагедии, незаконности необъявленной войны власти с собственным народом. В романе «Зулейха открывает глаза» отражена трагедия крестьянства 20–30-х гг., ставшего жертвой антигуманной политики раскулачивания и стопроцентной коллективизации.

Список использованных источников

1. Галлямова, А. Г. История Татарстана и татарского народа. 1917–2013 гг. : учеб. пособие / А. Г. Галлямова [и др.]. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 436 с.
2. Гузева, А. «Зулейха» как семейная история Яхиной [Электронный ресурс] / А. Гузева. – Режим доступа: <http://www.godliterature.ru/projects/zuleykha-kak-semeynaya-istoriya-yakhinoy>. – Дата доступа: 24.04.2023.
3. Улицкая, Л. Любовь и нежность в аду / Л. Улицкая // Яхина, Г. Ш. Зулейха открывает глаза : [роман] / Гузель Яхина. – М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – С. 5–6.
4. Яхина, Г. Ш. Зулейха открывает глаза : [роман] / Гузель Яхина. – М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – 508, [4] с.

УДК 811.161.3'42:821.161.3

ЛЕКСИКА-СЕМАНТИЧНАЕ ПОЛЕ КАНЦЭПТУ ВАДА ІДЫЯСТЫЛЮ ПАЭЗІ І ПРОЗЫ У. КАРАТКЕВІЧА

Л. М. Шэцка,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры педагогікі і псіхалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: larisachaika7905@gmail.com

Статья посвящена исследованию традиционных для белорусской культуры образов, составляющих ядро индивидуально-авторского концептуального